

Чёрная корона и чёрная роза

2019, источник: [здесь](#)

Анархо-монархизм и анархо-МИСТИЦИЗМ

Во снах мы грезим только о двух образах правления — анархии и монархии. Исконные глубины сознания не разбираются в политике и никогда не играют по правилам. Демократическая мечта? Социалистическая мечта? Это невозможно. Даруют ли ускоренные движения моих глаз в фазе быстрого сна столь реальные, почти пророческие видения, или же всего лишь венское исполнение желаний, только короли и дикие люди населяют мои ночи. Монады и номады.

Бледный день (когда ничто не сияет своим собственным светом) подкрадывается и втирается в доверие, намекает на то, чтобы мы пошли на компромисс с тоскливой и тусклой реальностью. Но во снах ничто не управляет нами, кроме любви и чародейства, в которых так поднаторели хаоты и султаны.

В среде людей, которые не способны творить или играть, но могут только *работать*, художники также не имеют иного выбора, кроме анархии и монархии. Подобно сновидцам, они должны обладать — и *обладают* — своим собственным восприятием, и ради этого они обязаны жертвовать «тиранической Музе» всем, что не более чем социально. Искусство умирает, когда с ним обращаются «по правилам». Оно должно наслаждаться дикостью пещерного человека, или же пусть какой-нибудь князь наполнит золотом его рот. Бюрократы и торговцы отравляют его, профессора пережёвывают, а философы выплёвывают. Искусство — своего рода византийское варварство, пригодное исключительно для знати и язычников. Если бы вы знали сладость жизни поэта в царствование продажного, коррумпированного, декадентского, неэффективного и смешного паши или эмира, какого-нибудь шаха Кажара, какого-нибудь короля Фарука, некой королевы Персии, вы бы знали, что это именно то, чего должен желать каждый анархист. Как любили они поэмы и картины, эти мёртвые роскошные дураки, как впитывали они в себя все розы и прохладные бризы, тюльпаны и лютни! О да, их жестокость и капризы достойны ненависти — но, по крайней мере, они были человеческими. Но бюрократы, что пачкают стены разума лишённой запаха

грязью — столь любезно, столь *gemutlich*[1], — которые загрязняют внутреннюю атмосферу отупением, — они не заслуживают даже ненависти. Они едва существуют вне бескровных Идей, которым служат.

И, кроме того: сновидец, художник, анархист — разве не разделяют они определённый оттенок жестокого каприза с самыми отъявленными из моголов? Возможна ли подлинная жизнь без доли безумия, эксцесса, без вспышек Гераклитовой «войны»? Мы не правим, но мы не можем быть и не будем *управляемы*.

В России народники-анархисты иногда подписывали подложные указы и манифесты именем царя; в них самодержец якобы сетовал на то, что алчные дворяне и бесчувственные чиновники заперли его во дворце и отрезали от любимого им народа. Он требовал отмены крепостного права и призывал крестьян и рабочих восстать во Имя Его против правительства.

Зачастую этот приём оказывался успешным в деле разжигания бунтов. Почему? Потому, что один абсолютный правитель метафорически действует как зеркало уникальной и высшей абсолютной личности. Каждый крестьянин, каждая крестьянка смотрели в эту зеркальную легенду и созерцали его или её собственную свободу — иллюзию, но такую, которая почерпнула своё волшебство в логике мечты.

Вероятно, в XVII веке похожий миф вдохновлял рантеров, антиномистов и провозвестников Пятого царства, которые стекались под знамя якобитов с их эрудированными интригами и заговорами на почве крови и чести. Радикальные мистики сначала были преданы Кромвелем, а затем Реставрацией — так почему бы им, в конце концов, не объединиться с дерзкой кавалерией и щёгольской аристократией, с розенкрейцерами и масонами Шотландского обряда, чтобы возвести оккультного мессию на трон Альбиона?

Среди людей, которые не способны представить себе общество без монарха, страсти радикалов могут найти выражение в монархической терминологии. Среди людей, которые не способны представить себе человеческое существование без религии, радикальные страсти могут говорить на языке ереси.

Даосизм отверг всю конфуцианскую бюрократичность, но сохранил образ Императора-мудреца, который молча сидит на своём троне с благосклонной улыбкой, не делая абсолютно ничего. В исламе исмаилиты взяли идею Имама как слуги Пророка и трансформировали её в «Имама-самого-по-себе», совершенную личность вне Закона и всяких правил, которая искуплена Единым. И эта доктрина подняла их на бунт против ислама, вдохновила на террор и убийства во имя чистого эзотерического самоосвобождения и тотальной реализации. Классический анархизм XIX века определял себя через борьбу против короны и церкви, поэтому на этапе пробуждения считался эгалитарным и атеистическим. Однако такая риторика затеняет то, что происходит в действительности: «царь» становится «анархистом», «священник» — «еретиком». В этом странном дуэте изменчивости нет места политику, демократу, социалисту, рациональному идеологу; они глухи к музыке, и им совершенно недостаёт чувства ритма. Террорист и монарх — это *архетипы*; прочие же являются всего лишь функционерами.

Некогда анарх и король, схватив друг друга за глотки, вальсировали *totentanz*[2] — роскошная битва! Теперь, однако, оба они отправлены в мусорное ведро истории — устаревшие раритеты праздного и более утончённого прошлого. Они кружатся так быстро, что, кажется, сливаются воедино... могли ли они каким-то образом стать одним целым, сиамскими близнецами, Янусом, причудливым единством? «Сон разума...» ах! самых вождельных и вожделеющих чудовищ!

Онтологическая анархия провозглашает категорически, прямо и почти настырно: да, эти двое теперь одно. Как единое целое возрождён отныне анарх/король; каждый из нас — властелин своей собственной плоти, своих творений — и многого другого, что можем мы захватить и удержать.

Наши действия оправданны законом, и наши отношения строятся на основе союзов с другими автархами. Мы творим закон для наших собственных владений, разрывая цепи закона. В настоящее время, возможно, мы выживаем лишь как незаконные претенденты, но даже так мы способны захватить несколько мгновений, несколько квадратных метров реальности, чтобы навязать ей нашу абсолютную волю, наше *royaume*[3]. *L'état, c'est moi*[4]. Если мы связаны какой-либо этикой или моралью, она должна быть той, какую мы сами вообразили, неправдоподобно более возвышенной и освобождающей, нежели «моральная щёлочь» пуритан и гуманистов.

«Вы подобны богам» — «Ты есть То».

Слова «монархизм» и «мистицизм» используются здесь отчасти *pour epater*[5] тех эгалитарно-атеистических анархистов, которые с благочестивым ужасом реагируют на любое упоминание о помпезности или суевериях-слухах. Бархатной революции под звоны хрустальных бокалов *они* не дождутся!

Наше антиавторитарное качество, однако, расцветает на почве барочного парадокса; оно оказывает предпочтение состояниям сознания, эмоциям и эстетике перед всеми окаменелыми идеологиями и догмами; оно охватывает множественность и наслаждается противоречиями. Онтологическая анархия — это жупел для БОЛЬШИХ умов. Неудачный перевод названия (и ключевого термина) важнейшего произведения Макса Штирнера как «Эго и его собственность» привёл к тонкой ошибке в интерпретации «индивидуализма». Англо-латинское слово «*ego*» нагружено и утяжелено фрейдистским и протестантским багажом. Внимательное прочтение Штирнера предполагает, что «Уникальный и его самость»[6] лучше отражало бы его намерение, учитывая, что он никогда не определял эго *через оппозицию* к либидо или Ид, как и через оппозицию к «душе» или «духу». Уникального (*der Einzige*) лучше всего рассматривать просто в качестве личности как таковой. Штирнер не предаётся метафизике, однако сообщает Уникальному известную абсолютность. А раз так, то каким образом этот *Einzige* отличается от «Я» Адвайта-веданты? *Tat tvam asi*: Ты (индивидуальное Я) есть То (абсолютное Я).

Многие считают, что мистицизм «растворяет эго». Вздор. Только смерть способна на это (или, по крайней мере, так предполагают наши саддукеи). Не уничтожает мистика и «плотское» или «животное» Я, что было бы равносильно самоубийству. Что мистицизм

действительно пытается преодолеть, так это ложное сознание, иллюзию, Общепринятую реальность и все те личностные пороки, которые вытекают из этих недугов. Подлинная мистика создаёт «умиротворённую личность», личность, наделённую могуществом. Наивысшая цель метафизики (достигнутая, к примеру, Ибн Араби, Бёме и Раманой Махарши) состоит в том, чтобы в некотором смысле самоуничтожиться, выявить метафизическое и физическое, трансцендентное и имманентное как ЕДИНОЕ. Некоторые *радикальные монисты* вывели эту идею далеко за рамки простого пантеизма или религиозной мистики. Восприятие имманентного единства бытия вдохновляло определённые имморалистские ереси (рантеров, ассасинов), которые мы полагаем своими предтечами.

Что касается самого Штирнера, то он, по-видимому, глух к возможности духовных интерпретаций индивидуализма, и в этом он — родившийся уже после того, как христианский мир пришёл в упадок, но задолго до открытия Ориенталистики и тайной иллюминатской традиции в Западной алхимии, революционных ересей и оккультной активности — остаётся верен духу XIX столетия. Штирнер питал вполне оправданное презрение к тому, что было известно ему как «мистицизм», а именно, к простой набожной сентиментальности, основанной на самоотречении и ненависти к миру. Несколько лет спустя Ницше вбил последний гвоздь в крышку гроба «Господня». Кто с тех пор осмелился бы предположить возможность примирения и синтеза индивидуализма и мистицизма?

Недостающий Штирнеру компонент (Ницше подошёл к этому ближе) — это рабочее понятие *необычного сознания*. Реализация уникальной личности (или *ubermensch*[7]) должна резонировать и расширяться как волны, или спираль, или музыка, чтобы охватить непосредственным опытом либо интуитивным восприятием уникальность самой реальности. Такая реализация поглощает и стирает всякую двойственность, дихотомию и диалектику. Она несёт в себе, как электрический заряд, интенсивное и молчаливое ощущение *самоценности*: она «обожествляет» личность.

Бытие/сознание/блаженство (*satchitananda*)[8] невозможно сбросить со счетов как всего лишь один из штирнеровских «призраков» или «винтик в голове». Это не провозглашение чисто трансцендентного принципа, во имя которого *Einzige* следовало бы пожертвовать своей самостью. Речь идёт о простом утверждении того, что интенсивность осознания существования как такового приводит к «блаженству» — или, выражаясь менее нагруженным языком, «ценностному сознанию». Конечная цель Уникального состоит в том, чтобы *обладать* всем; радикальный монист достигает этого через отождествление себя с тем, что он воспринимает, подобно китайскому художнику — создавая картину кисточкой и тушью, он «становится бамбуком», который «рисует сам себя».

Несмотря на таинственные намёки Штирнера по поводу «союза Уникальных» и невзирая на «вечное Да» Ницше и возвеличивание им жизни, кажется, что их индивидуализм каким-то образом воспитывает *холодность по отношению к другим*. Отчасти они культивировали закалку, очистительное охлаждение в противовес удушливому теплу сентиментальности и альтруизма XIX века; отчасти же они просто презирали то, что кто-то (Менкен?) определил как «*Homo Boobensis*»[9].

И всё же, читая за и под слоем льда, мы раскрываем следы огненной доктрины — возможно, того, что Гастон Башляр назвал «Поэтикой Другого». Отношения *Einzige* с Другим не могут быть определены или ограничены какой-либо институцией или идеей. И всё же ясно, как это ни парадоксально, что Уникальный в полноте своей зависит от Другого, и не может и не будет реализован в какой-то горькой изоляции.

Примеры «волчьих детей» и *enfants sauvages*[10] демонстрируют, что младенец, слишком долго лишённый общества людей, никогда не достигнет полноты человеческого сознания, никогда не обретёт язык. Возможно, Дикий ребёнок служит поэтической метафорой Уникального и всё же одновременно знаменует собой ту грань, где Уникальный и Другой должны встретиться, соединиться, слиться — или, в противном случае, оказаться не в состоянии достичь всего, что им предназначено, и обладать этим.

Другой отражает Я — Другой является нашим *свидетелем*. Другой завершает Я — Другой даёт нам ключ к восприятию единства бытия. Когда мы говорим о бытии и сознании, мы говорим о Я; когда мы говорим о блаженстве, мы вовлекаем Другого.

Овладение языком проходит под знаком Эроса — всякое общение в сущности своей эротично, любые отношения являются эротическими. Авиценна и Данте утверждали, что любовь движет звезда и светила по их орбитам. И «Ригведа», и «Теогония» Гесиода провозглашают Любовь первым богом, родившимся после Хаоса. Привязанности, синхронии, эстетическое восприятие, вспышки прекрасного, веселье — всё самое ценное, чем обладает Уникальный, возникает из соединения Я и Другого в созвездии Страсти.

Здесь проект, начатый индивидуализмом, может быть вновь развит и воскрешён благодаря инъекции мистицизма и, конкретно, Тантры. Как эзотерическая *техника*, обособленная от ортодоксального индуизма, Тантра служит символической основой («Сетью драгоценностей») для идентификации сексуального наслаждения и особенного состояния сознания. Все имморалистские секты — от семей Любви и Свободных братьев до адамитов Европы, от суфийских педерастов из Персии до даосских алхимиков в Китае — несли в себе определённый тантрический аспект. Даже классический анархизм содержал в себе подобные тантрические моменты: здесь можно вспомнить фаланстеры Фурье, «мистический анархизм» Г. Иванова[11] и других русских символистов *fin-de-siècle*[12], кровосмесительный эротизм в «Санине» Арцыбашева, равно как и жуткое сочетание нигилизма и культа Кали, вдохновившее Бенгальскую террористическую партию (к которой мой тантрический гуру Шри Каманарансан Бисвас имел честь принадлежать)...

Мы, однако, предполагаем гораздо более глубокий синкретизм анархии и Тантры, чем любое из этих течений. Фактически, мы просто предлагаем, чтобы индивидуалистический анархизм и радикальный монизм считались впрямь одним и тем же движением.

Этот гибрид был назван «спиритуальным материализмом» — термин, который сжигает все метафизики в огне единства духа и материи. Нам также нравится «Онтологическая анархия», поскольку она предполагает, что само бытие остаётся в состоянии «божественного Хаоса», всепотенциальности, непрерывного творения. В этом потоке только *дживамукти*, или «освобождённая личность», достигает самореализации, являясь, таким

образом, монархом или властителем своих восприятий и отношений. В этом непрерывном потоке только желание предлагает какой-то организующий принцип, а значит, единственное возможное сообщество (как это понимал Фурье) — это сообщество влюблённых.

Анархизм мёртв, да здравствует анархия! Мы больше не нуждаемся в багаже революционного мазохизма или идеалистического самопожертвования, или фригидного индивидуализма с его презрением к веселью и *совместной жизни*, или вульгарных суеверий атеизма, сциентизма и прогрессизма XIX столетия. Всё это мёртвый груз! Неряшливый пролетарский чемодан, тяжёлый буржуйский пароходный кофр, унылое портмоне философа — всё за борт!

От этих систем мы хотим перенять только их витальность, жизненную силу, отвагу, непримиримость, гнев, беспечность — основу их могущества, их *шакти*. Прежде, чем выбросить за борт весь этот хлам и саквояжи, мы распотрошим багаж, чтобы извлечь оттуда бумажники, револьверы, драгоценности, наркотики и другие полезные вещи — мы сохраним то, что нам нравится, и избавимся от прочего мусора. Почему нет? Разве мы священники, чтобы скорбеть над мощами и бормотать мартирологи? В монархизме тоже есть кое-что, что может нам пригодиться — изящество, лёгкость, гордость, чрезмерное изобилие. Мы оставим это себе, а все пороки власти и истязание отправим в мусорный ящик истории. И мистицизм может кое-что нам предложить — «самопреодоление», экзальтацию осознания, резервуары психических способностей. Это мы конфискуем от имени нашего восстания, а пороки морали и религии оставим гнить и разлагаться.

Как говорили рантеры при встрече с «ближним» — кем бы он ни был, королём или воришкой-карманником, — «Возрадуйтесь! Всё принадлежит нам!»

Примечания

[1] Приятно (*нем.*); здесь и далее — прим. перев.

[2] Пляска смерти (*нем.*).

[3] Царство, королевство (*фр.*).

[4] Государство — это я (*фр.*).

[5] С целью эпатировать (*фр.*).

[6] В отличие от английского варианта («*The Ego & Its Own*»), русский перевод («Единственный и его собственность»), авторами которого являются Б. В. Гиммельфарб и М. Л. Гохшиллер, близок к оригиналу («*Der Einzige und sein Eigentum*»). Однако, учитывая, что Хаким Бей в качестве наиболее адекватного использует термин «*The Unique*», здесь и далее в тексте будет, вопреки сложившейся в России историко-философской традиции, употребляться понятие «Уникальный», более компактное, нежели в равной степени

подходящая в данном контексте дефиниция «Единственный в своём роде».

[7] Сверхчеловек (*нем.*).

[8] Сатчитананда — определение Брахмана в веданте.

[9] Так Генри Луис Менкен определял христианских фундаменталистов.

[10] Дикае дети (*фр.*).

[11] Хаким Бей ошибся в инициале. Очевидно, имеется в виду русский поэт, филолог, эссеист Вячеслав Иванович Иванов, автор статьи «Идея неприятия мира», опубликованной в 1906 году в качестве вступления к книге Георгия Чулкова «О мистическом анархизме».

[12] Конец века (*фр.*).

Версия #1

Зверобой создал 13 мая 2025 01:12:45

Зверобой обновил 13 мая 2025 01:14:19